

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Брикки

«Public Domain»

1914

Куприн А. И.

Брикки / А. И. Куприн — «Public Domain», 1914

«Так называлась собака – английский бульдог белой масти, весом около двух пудов, пяти или шести лет от роду. Принадлежал он, – впрочем, это выражение всегда смущает меня. Как будто в самом деле отважная, самоотверженная, честная собака – раб, вещь, слуга человека, а не его искренний друг и товарищ...»

Александр Иванович Куприн

Брикки

Так называлась собака – английский бульдог белой масти, весом около двух пудов, пяти или шести лет от роду. Принадлежал он, – впрочем, это выражение всегда смущает меня. Как будто в самом деле отважная, самоотверженная, честная собака – раб, вещь, слуга человека, а не его искренний друг и товарищ. Просто – жил он вместе с моим хорошим приятелем, цирковым клоуном, и работал на манеже: прыжки через препятствия, сальто-мортале, лай по приказанию, угадывание цифр, благодаря куску мяса, положенному на определенную карту. В Брикки, как я уже сказал выше, был слишком большой для его роста вес. Но жир в нем совсем отсутствовал, – просто какая-то спиральная пружина, стальная бомба. Дружба между человеком и собакой была проникнута взаимным уважением и почти равноправием. В теплые весенние вечера, когда горячая собачья кровь доходит до точки кипения, клоун позволял Брикки пускаться на его риск и страх в уличные собачьи авантюры, и всегда Брикки безукоризненно прибегал в цирк к своему номеру, часто с разорванным ухом, с прокушенной ногой, весь в грязи, хромой, но по-прежнему веселый.

Мой приятель, уезжая на клоунские каникулы в свое родное место (Виареджио), поручил мне позаботиться об его собаке, и я, по моему благодушию и к своему несчастью, на это согласился. Но надо сказать, что Брикки, всегда внимательный, приветливый и даже любезный к людям, был беспощаден ко всему, что стояло на четырех ногах. Это было его, как я думаю, природным недостатком. Еще ничего, что он изгрыз ножки всех столов и стульев в моем доме и превратил в бездыханные трупы двух наших любимых кошек... Я ему простил даже и то, что он игрушечную гостиную моей дочери растерзал на куски, откусив при этом хвост плюшевой обезьяне и оторвав головы и ноги трем куклам. Все это пустяки. Но начались и дела более серьезные. Весной я пробовал вывести Брикки без намордника и цепочки на улицу, на свежий воздух. И вот на расстоянии трехсот – четырехсот шагов от моего дома он истрепал и уничтожил чуть не до смерти трех собак. Он кидался на них, как огромный таран, ударом головы сваливал с ног, потом хватал за шиворот, быстро встряхивал головой, и собачка уже лежала на земле – маленькая, узенькая, плоская. Одну из них, помесь фокстерьера с таксой, он настиг у ее собственного дома и, испугавшись, что бедный песик переселится в свой собачий рай, очень старательно пропихнул его задними ногами в подворотню. Впрочем, надо сказать, что через неделю Бриккины жертвы кое-как по улице останавливались только для того, чтобы, лежа на солнышке,лизать ногу или бок, а через две – все трое уже грызлись и предавались разным весенним удовольствиям.

Однако мой друг не возвращался из своей богом благословенной Италии, и мое положение становилось с каждым днем труднее. Отчаянный пес привязался ко мне всем сердцем, всей душой и, вероятно, в угоду мне делал в день по двадцати скандалов. Но как раз на пасху он преподнес мне такой сюрприз, что мы окончательно с ним расстались.

Пасха была поздняя. Зеленела трава в газонах, сладко пахли клейкие почки тополей, и черная смородина давала свой пряный, чуть-чуть одуряющий аромат. В этот несчастный день (понедельник) к нам пришло несколько гостей – людей знакомых, близких и почтенных. Мы пили кофе в саду на скамейке. Брикки, к общему удовольствию, превосходил самого себя. Он как будто бы задался целью напугать, рассмешить и удивить почтеннейшую публику: с такой яростью он кидался на все предметы, которые ему бросали, так рычал, что становилось за него самого страшно.

И вот одна дама, прекрасно одетая – белое фаевое платье, – неожиданно предлагает:

– А попробуйте, бросьте ему вот этот камень.

В камне этом было около полутора пудов веса. Я с трудом выбил его ногой из земли. Он был мокр, черен и грязен. Но это ни на секунду не затруднило Брикки, который развеселился и жаждал дальнейших успехов у публики. Камня ему сдвинуть с места не удалось, но он грыз его с таким ожесточением, что его голова от ушей до подбородка сделалась черной, как у самого черного арапа, да еще вдобавок – слюнявой.

Тут и случилось мое несчастье. Сострадательная и милая дама в нарядном новом белом платье вдруг сжалась над бедной трудолюбивой собачкой и позвала ее:

– Брикки, Брикки, Бриккинья!

Очевидно, Брикки нашел выход из неловкого положения. Все равно он чувствовал, что камня ему не одолеть. С быстротой торпеды он кинулся на призыв дамы. В четверть секунды он успел облизать ей все лицо и кофточку, которые, кстати, исцарапал своими жесткими когтями. С искаженным лицом, с красными пятнами гнева на щеках направилась дама в дом, чтобы привести себя в порядок. По дороге она повторяла:

– Ничего, это замоеется, какая прекрасная собака! Но губы у нее кривились и вздрагивали, а в глазах стояли слезы огорчения.

Затем Брикки с такой же скоростью кинулся на гостившего у меня тонкого, длинного, долговолосого поэта и сшиб его ударом головы в живот со скамейки спиной в газон. Потом он ринулся в курятник и выгнал оттуда всех кур, петухов, индюков, гусей и уток. Он, кроме того, обтрепал в бахрому нижний край брюк старенького, добродушного лесничего, истоптал и погрыз на рабатках почти все молодые нежные всходы ранних аммориллисов, крокусов и нарциссов; изгрыз руку одной старой дамы, думая, вероятно, что играет с косточкой, и в самом высшем стиле перепрыгнул, не коснувшись, через маленькую нарядную девочку, которая, сидя на скамейке, лепила куличи, а та от ужаса шлепнулась на землю задушкой и заревела на весь сад. А после всех своих подвигов Брикки лег на солнце, на песке с таким невинным видом, как будто ничего не случилось. И в глазах его я читал такое выражение:

– Да, все обижают бедную собаку, никто ее не пожалеет. За что, за что меня ударили прутом по спине?

Однако на этот раз я не поверил искренности Брикки и с громадным удовольствием отдал его моему другу, когда тот вернулся из Италии. Пес этот и поныне жив и работает в цирке, но должен сказать, что я отказал ему в своем гостеприимстве, так же, впрочем, как и мне пришлось отказаться от гостеприимства милой, доброй дамы в белом, в семействе которой меня в первый же визит встретили с полярным холодом, градусов в семьдесят пять по Фаренгейту.